

Эффект

МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Кoko Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

1. 15 июня 2002 г.

Какое теплое и солнечное выдалось утро! Птицы в соседней рощице радостно пели-заливались. Небо над головой было прозрачным, без единого облачка, и, глядя в него, Наташе казалось, что ее взгляд пронзает эту бездонную, бесконечную глубину и касается нерва мироздания. Ведь мир устроен сложно, и никому не известно, кто придумал эту землю и заселил ее людьми и животными, посеял первые растения, запустил рыб в океаны. Она часто задумывалась над тем, есть ли Бог, он ли создатель всего живого. Не особо утруждая себя чтением книг или интернетных статей на эту тему, она, однако, время от времени смотрела на ютубе научно-популярные фильмы, но каждый раз разочаровывалась, не находя ответов на интересующие ее вопросы. Так кто же сотворил ее, Наташку, с ее красивым телом и куриными мозгами? Будь она некрасива, вряд ли влипла бы в эту скверную историю, а будь умна — не прозябала бы в магазине за прилавком, может, выучилась бы да и стала бухгалтером или юристом.

Она лежала на все еще прохладной траве и старалась дышать ровно, словно только таким образом

могла успокоить бешено колотящееся сердце. Солнце рассеивало свои бледные лучи по небу, а потому еще не слепило глаза. Зажав в ладони теплый земляничный букет, Наташа ловила губами шершавые сладкие ягоды, но вкуса их почему-то не чувствовала. А вот аромат их уловила.

Она лежала посреди земляничной поляны и понимала, что у нее нет сил подняться и вернуться в палату.

То, что она только что сотворила, было спланировано заранее. Она еще неделю тому назад приходила сюда, облюбовала место под молодыми березками, куда и положила завернутую в старую куртку саперную лопату. Там же спрятала пакет со всем необходимым. Бутылка воды, тряпки, анальгин, калоши. Ну и наволочка. Новая, в ромашках. Правда, потом, вернувшись домой, подумала, что снова, в очередной раз, совершила глупость. Зачем отнесла лопату, когда можно было прямо тогда же и вырыть ямку? Быть может, она не сделала этого потому, что не могла пока еще представить себе, что на самом деле решится на такое. Да и размера маленькой могилы не знала.

Она собиралась на следующий день снова отправиться к березкам и даже приготовила ведро для земляники (почему бы не совместить приятное с полезным?), но у нее начались схватки...

Роды прошли «как по книжке». Так сказала ей акушерка Арина, заглянув на следующее утро в палату и сообщив, что сейчас принесут ее дочку, чтобы молодая мамочка ее покормила. Да, может, и по книжному, да только у нее все болело. Словно тело ее

разорвалось, а потом его зашили, и теперь она готова была кричать от боли. И боль не утихала. Словно нарастала с каждой минутой, приближающей ее к моменту, когда она должна была покинуть палату.

План был сложный. Ей предстояло в пять утра забрать ребенка из «детской», потом вместе с ним, точнее, с ней выбраться через окно (открытое ею с вечера) в конце коридора на улицу и быстрым шагом пройти до парка, а там уже было рукой подать до березовой рощи, за которой и начинались эти земляничные поля. Главное, чтобы ребенок не заплакал. Иначе та медсестра, что дежурит, услышит плач и остановит Наташу, план сорвется, и она просто скажет, что видела дурной сон, будто ребенка украли, проснулась и решила проверить, на месте ли дочка... Глупая отмазка. Как глупо вообще все, что произошло с Наташей за эти последние месяцы. Надо было сразу избавиться от ребенка. На что надеялась? Что командировочный москвич, с которым она познакомилась в баре «Калиновка» и провела ночь в гостинице с таким же названием, на самом деле вернется за ней и заберет ее с ребенком?

...Теперь все было позади. Самое страшное, что ей предстояло, она сделала. И теперь ей казалось, что ее пальцы пахнут детской кожей. Вот поэтому она уже в который раз растирала между ладонями землянику. И старалась не смотреть на них, потому что знала — они красные, в земляничном соке, а ей все равно покажется, что это кровь. Кровь ее дочери. Ее первого и единственного ребенка, к которому она ровным счетом ничего не почувствовала, когда он родился.

Но надо было возвращаться обратно в роддом. Хотя сил не было. Она и не помнила, как шла обратной дорогой, как миновала пышный парковый розарий, как плелась по пустынным в этот ранний час дорожкам, как забиралась, перекидывая отяжелевшие и словно чужие ноги в грязных тапках, на подоконник коридорного окна, как ложилась на твердую кровать. Главное, что все ее соседки по палате крепко спали. Но так это или нет, она никогда и не узнает...

2. 12 мая 2022 г.

— Боюсь спросить, и кто же теперь убирает весь этот огромный и прекрасный дом? — поинтересовалась Антонина, впервые после долгого перерыва появившись в доме братьев Бронниковых, где еще совсем недавно ее близкая подруга Женечка трудилась в качестве домработницы. А теперь вот (кто бы мог подумать?!) вышла замуж за одного из братьев, известного московского адвоката Бориса Бронникова.

Конечно, переступая порог этого дома впервые после свадьбы подруги и не имея возможности встретиться с ней в течение нескольких месяцев (почти полгода пришлось прожить в Самаре, ухаживая за больной мамой, которую она и схоронила), Антонина надеялась увидеть по меньшей мере блики счастья на лице Жени. Но та выглядела как всегда. И Тоня не удивилась бы, увидев в ее руках пылесос или швабру. Больше того, она была практически готова услышать очередную историю подруги о том, как ее обижают в этом доме, как оскорбляют, и виновником всех ее

бед был бы, конечно же, Борис Бронников, шикарный мужчина, крутой адвокат и одновременно грубиян, каких свет не видывал. И вот теперь она замужем за ним и даже взяла его фамилию, что было вообще на нее не похоже! Гордая и самостоятельная Женька стала зависима от этого Бронникова. Влюбилась в него, что уже само по себе опасно. Любовь вообще опасная штука. Попытки Тони поговорить с Женей по душам по телефону, находясь в Самаре, всегда заканчивались одинаково: новобрачная в свой медовый месяц никого, похоже, не хотела ни видеть, ни слышать и вежливо сворачивала разговор. Позже ограничивалась какими-то дежурными фразами, типа «все нормально, потом поговорим». Тоня не обижалась, напротив, она переживала за подругу, и каждый раз после такого короткого разговора ей казалось, что Жене плохо. Конечно, разговаривали они и по видеосвязи, и Женя выглядела хорошо, во всяком случае синяков на ее лице не наблюдалось, чего так боялась Тоня. Но все равно она изменилась и казалась какой-то неуверенной в себе, встревоженной. Вот и сейчас, когда Тоня вернулась из Самары домой, к себе в Подольск, где в нескольких километрах от нее в пригороде и проживала Женя, когда они встретились и обнялись, ей показалось, что подруга того и гляди заплачет.

— Тоня, вот скажи, тебя действительно это интересует? Кто убирается здесь? Ты серьезно? — Женя горько усмехнулась. — Да я и убираюсь. Но когда надо помыть окна или еще что-нибудь, приглашаю одну

женщину из поселка, ее зовут Галина Петровна, она и помогает. И в саду работает. Так что, как видишь, я не особо утруждаю себя.

Тоня была уверена, что они с Женей, как это было раньше, уединятся в ее маленькой комнатке или на кухне, и была приятно удивлена, когда подруга накрыла стол в гостиной. Красивая, в маках, скатерть, дорогой фарфор, ваза с невероятными розовыми пионами. В распахнутое окно, играя прозрачными занавесками, врывается теплый июньский воздух. И тишина. Словно в доме никого нет.

Тоня сжала ладонями Женины руки и посмотрела ей в глаза:

— Ты мне скажи честно: ты счастлива?

Женя отвернулась. Потом пожала плечами.

— Женя, пожалуйста, будь со мной честной. Он обижает тебя? Ты вон какая бледная. Бьет? — Тут Тоня помрачнела и сдвинула брови.

— Да никто меня не бьет, — отмахнулась от нее Женя. — Успокойся. Все нормально.

— Ну и ладно. Не хочешь рассказывать — не надо, — обиделась Тоня.

— Говорю же, все хорошо. Даже слишком.

— Он сейчас дома? — с опозданием спохватившись, спросила Антонина.

— Никого нет дома. Все уехали по делам. Только Галина Петровна в саду занимается цветами. Нам с ней просто повезло! Ты мне лучше расскажи о себе. Еще раз, Тоня: соболезную тебе. Даже не представляю, как тебе было тяжело. Так долго

была там. Рядом... А как же твой муж, Серега, здесь с детьми?

— Да все нормально. Справился. А я тем временем побывала словно в другом измерении. Увидела смерть. Это страшно. Но зато я не отдала маму в хоспис, до последней минуты была рядом с ней.

— Какая ты молодец! Между прочим, я могла бы приехать и помочь тебе с похоронами.

— Ты и без того помогла, деньги прислала, хоть я и не просила, мы справились бы сами.

— Тонечка, ты угошайся. Пирог с вишнями, сама испекла, между прочим. С третьей попытки получилось. И даже низ пирога пропекся! Твой любимый чай с соусепом заварила. Галина Петровна угостила вареньем из лесной земляники...

— Вот! — вдруг воскликнула Тоня, вскидывая указательный палец. — Вспомнила, с чем ехала к тебе. Хотела посоветоваться.

— Чаю выпей, потом расскажешь, — улынулась Женя.

— Чай никуда не денется... Значит, так. У меня есть старшая сестра, Аня. Я тебе рассказывала про нее. Она сто лет тому назад развелась со своим Сашкой, долгое время жила одна, воспитывая Леночку, дочку, а недавно встретила мужчину, хорошего человека, влюбилась, и вот теперь он повез ее в Сочи знакомиться с матерью. Он там живет, у него свой дом, сад, ну и все такое. Словом, моя сестра теперь, возможно, переедет туда. А вот Лена не хочет никуда перебираться. Если ты помнишь, они живут на Волге, в маленьком таком провинциальном город-

ке Калина. Очень живописное, я скажу тебе, место. Просто рай!

— Хочешь туда поехать?

— Как ты догадалась? Да! Лена позвонила и попросила приехать. Сказала, что соскучилась по мне, призналась, что после того, как мать закружилась в своей новой жизни, ей как-то одиноко стало. Может, она обижается на Аню, что та мало времени ей уделяет. Короче, зовет меня, просто умоляет приехать к ней, погостить. Заманивает как раз вот земляничкой. Я почему и вспомнила, глядя на твое варенье. Там сейчас сезон, земляники просто море! Но дело-то, конечно, не в землянике. Я бы хотела поехать туда, чтобы немного прочистить мозги Ленке. Эгоистка! Не понимает, что мать всю жизнь одна, что и ей тоже положена порция женского счастья. Хочу поговорить с Ленкой по душам, по-женски, чтобы она отпустила мать. Ленка взрослая уже, в десятом классе учится. Ей семнадцать! Она воспитанная такая, хозяйственная, все знает и умеет. Она справится. А я буду ей помогать, приезжать. Да мы вообще всегда на связи! Потом, глядишь, в институт поступит в Москве, мы с Сергеем поможем найти квартиру, у меня есть кое-что на примете, одна моя знакомая в Турцию переехала, боится квартиру чужим сдавать, словом, там все перспективно. Да и связи кое-какие имеются. Короче, Ленка здесь не пропадет. И матери не будет мешать на первых порах. Ну а потом, глядишь, и сама попросится в Сочи, в этот рай. Как ты думаешь?

— Да отличный план! В чем подвох-то? Зачем советовать, когда и так все ясно?

— Снова Сергея оставлять с детьми?

— А... вон ты о чем. А ему не приходило в голову, что ты за эти месяцы устала?

— Приходило. Он даже хотел меня в санаторий отправить.

— Тогда тем более — поезжай в свою «калину-малину». Сменишь обстановку, наешься земляники, варенья наваришь, потом меня угостишь.

— Ты серьезно?

— В смысле?

— Мне показалось, что и ты... Ладно, проехали...

— Не проехали, Тонь. Возьми меня с собой. Так что-то земляники захотелось!

— Женя!

— Мне тоже надо сменить обстановку. Я тоже устала.

— От чего? — Тысячи вопросов готовы были прорваться наружу, Тоня едва себя сдерживала. Но вовремя остановилась.

— От чего, от чего... Да как-то все неестественно у нас, понимаешь? Ты вот спрашиваешь, не бьет ли он меня. Тоня, — Женя перешла на шепот, — он с меня пылинки сдувает. На руках носит. Понимаешь, да? На меня навалилось такое облако счастья, что я просто не выдерживаю. Он идеален. От того Бориса, который терроризировал меня, ничего не осталось. Он так меня любит, как если бы у него от этой самой любви крышу снесло... Он сильно изменился. Исполняет все мои желания, целует мне даже, стыдно признаться, пальцы на... Ох...

И тут она густо покраснела.

Тоня сидела, пораженная. Зато она успокоилась. Слава богу — любит!

— Так что тебя так напрягает?

— Временами мне кажется, что я мешаю ему жить. Он сейчас ведет сразу два дела. Оба сложнее. Он мне теперь все рассказывает, если только видит, что мне интересно. Так вот, ему надо много работать, а ему кажется, что я обижаю на него за это, вернее, за то, что он постоянно сидит в своем кабинете. А мне как раз и хорошо, что он занят, что я могу почитать, погулять, съездить в Москву по магазинам. Мне, конечно же, не хватало тебя, Тоня. Так хотелось поехать с тобой куда-нибудь в красивое место, выпить кофе, поесть пирожных... У тебя там горе, а я живу как в раю. Потому и не могла особенно-то рассказывать тебе про свою жизнь. Ты боялась, что меня здесь обижают и бьют, а мне подарили кольца с бриллиантами, шубы, новую машину! Он балует меня страшно! Но я-то ему ничего не могу дать. Нет, конечно, я тоже его люблю, но не могу постоянно признаваться в своих чувствах... Короче, я утонула в любви. Я хочу выбраться из этого сладкого сиропа и глотнуть нормального свежего воздуха. Сменить обстановку, короче. Вот. И если бы ты согласилась взять меня с собой в путешествие на Волгу, я была бы просто счастлива.

— Невероятно! Господи, Женя, как же я за тебя рада! Так... Постой. А Борис-то тебя отпустит?

— В смысле? Он мне кто? Хозяин, что ли? Мы с ним договаривались еще на берегу, что я человек сво-

бодный и могу перемещаться в пространстве, куда мне захочется.

— К счастью, Калина — на Волге, это далеко от Украины... — Тут лицо Тони помрачнело. — Знаешь, вот так живешь и не предполагаешь, что нас ждет...

— Успокойся, Тоня. Все будет нормально. Главное сейчас — побольше молчать и молиться за наших. Вот так. Что же касается Бориса, то он, я думаю, тоже отдохнет от меня. Бессознательно отдохнет. Я хочу сказать, что он почувствует себя свободнее и с головой уйдет в работу. И перестанет испытывать чувство вины передо мной за то, что много работает... Как видишь, у нас все как-то сложновато.

— Да у вас все просто потрясающе! Женя, если ты поедешь со мной, это будет праздник! Ты даже представить себе не можешь, как там красиво! У Ани хороший дом, сад, цветы! Ленка как обрадуется!

— Когда едем? — Вот только теперь щеки Жени порозовели, а глаза счастливо заблестели.

— Да хоть завтра! Я со своим Сергеем поговорю, сегодня куплю что-нибудь в дорогу, подарки там... Завтра утром, если ты не против, и отправимся!

— Но только чур на моей машине, уговор? У меня теперь шикарный черный «Мерседес»! Волшебная машина. Зверь!

— Поздравляю... Класс! Женька, как же я рада за тебя!

— А я так благодарна тебе, что ты увезешь меня отсюда! Из этого рая! — рассмеялась своим прежним заливистым смехом Женя.

3. 13 июня 2021 г.

Владимир Иванович Соколовский, распрощавшись с юбиляром, своим сослуживцем, веселым и добрым Виктором Евгеньевичем Мироновым, расцеловав его в розовые, пахнущие сладким одеколоном щеки, вышел из шумного, заполненного громкой музыкой и смехом ресторана на свежий воздух и понял, что не хочет идти домой. Там его ждала приболевшая гриппом жена. Сын-подросток гостил у тещи. Находясь в благостном настроении, пьяненький и расслабленный, Владимир Иванович, вдруг представив себе, что его ждет дома, даже поморщился. Скукота, сонная больная жена с лающим кашлем, бесконечно сморкающаяся в бумажное полотенце, приглушенный звук телевизора и какая-то безысходность. А еще взгляд супруги — она всегда словно укоряет его за что-то. Либо за то, что он изменяет ей (хотя она точно не в курсе), либо за то, что он, в отличие от нее, здоров, либо за то, что у него веселый и легкий нрав, а у нее вместо крови по жилам текут грусть и тоска.

Верочка — вот кто ему сейчас нужен, чтобы разделить с ним его хорошее настроение или даже приумножить его. Вот она просто создана для мужчины. Веселая, легкая, с чудесной белозубой улыбкой, ценящая его чувство юмора, всегда готовая к любовным играм и просто красавица. А что еще ему, мужику, нужно? Да ничего! Конечно, было бы куда приятнее, если бы она дарила свою любовь и ласку лишь ему одному, да только как бы это устроить? Предложить ей содержание? Продолжать ли оплачивать ей эту

квартирку, что она снимает в центре Калины, или же купить ей отдельное жилье? Но где гарантия, что, став обладательницей собственной квартиры, она не продолжит свое дело, не прекратит там принимать своих клиентов? А их у нее полгорода.

Владимир Иванович старался не думать об этом. Встречаясь с Верочкой, он представлял себе, что он у нее один и что эта маленькая, красивая и хрупкая женщина принадлежит только ему. Ему нравилось все: и мягкие каштановые локоны, обрамляющие ее бледное напудренное лицо с розовыми румянами на скулах, и аккуратные черные стрелки на веках, и длинные густые ресницы, и маленькая грудь, и мягкие гладкие бедра, и звучный голосок, и аромат зеленых яблок (так пахли ее духи), и широкая кровать с теплым одеялом, под которым он любил отоспаться после объятий, и мягкий ковер под ногами, и даже тяжелая металлическая дверь квартиры, за которой рядом с Верочкой он чувствовал себя защищенным от той реальности, в которой он чередовал скучную работу с унылой семейной жизнью.

Конечно, он мог бы попробовать что-то изменить в их отношениях, поговорить с ней серьезно, предложить многое из того, чего пока еще не дали другие ее мужчины с тех пор, как она обосновалась здесь, в Калине, но что-то его сдерживало. Возможно, те слухи, что распространялись по маленькому городку, в котором они проживали, и та людская жестокость, которой они были пропитаны. Поговаривали, что Вера Карагозова приехала в Калину из областного города, где ее чуть не убили за связь с женатым биз-

несменом. Что группа женщин заманила ее за город и, словно копируя чудовищную по своей жестокости сцену избиения падшей женщины из фильма Торнаторе «Малена» с Моникой Беллуччи в главной роли, серьезно покалечила. И что, якобы придя в себя и не растерявшись, живучая и сильная Верочка подала на женщин в суд, но согласилась принять полмиллиона рублей от обидчиц взамен на то, что она заберет из полиции свое заявление. Говорили, что у нее был сломан нос и свернута челюсть, поломаны ребра и чуть не вытек глаз. Но ничего такого Владимир не замечал — Верочка была прелестна, никаких шрамов не наблюдалось, и вообще она казалась совершенно здоровой.

Он поднялся в ее квартиру, позвонил. Никто ему не ответил, не открыл. Но Верочка точно была дома — окна-то светились! Значит, она не одна? Надо было позвонить ей, тогда он хотя бы знал, можно к ней или нет. Вот что значит выпить лишнего — мозги совершенно не работают.

Владимир Иванович вдруг понял, что никуда-то он не денется до тех пор, пока Верочка не освободится, пока от нее не уйдет тот, кто занимает сейчас его, Владимира, место в ее постели. Будет сидеть на ступенях лестницы в ее подъезде и ждать. Но домой точно не пойдет. От одной мысли об этом ему становилось нехорошо. Он словно бы на мгновение уловил кисловатый лекарственный запах больной жены и поморщился.

Может, развестись с ней? Оставить ей эту квартиру, купить другую и начать новую жизнь? С Верочкой.